

воть тут то и возникает вопрос: Какое же право принесут с собой русские эмигранты: то ли право, которое действовало в России до большевистского переворота, или то право, върните, толь сурогат права, который вырос на почве советской России? На этот вопрос съезда прямо и определенно отвѣтили въ первомъ смыслѣ. Оно признало, что наша эмиграція организована изъ факта непрѣятельской частию русскаго народа и особенно его интеллигентіи той власти, которая въскорѣ уже падѣтъ, какъ держится въ Кремль, и называемыя ею властью наследство породило. Считать, что такая эмиграція приноситъ съ собою въ Европу эти самые породы, значило бы совершилъ неслыханное насилие не только надъ этическимъ чувствомъ миллиона покинувшихъ родину людей, но и надъ здравымъ смысломъ. А разъ это такъ, то только и остается признать за национальное право эмиграціи, въ подлежащихъ случаяхъ, долженствующее быть примириемъ и иностранными судами, того права, которое действовало въ Россіи до 25-го октября 1917 г., это совершение независимо отъ того, идетъ ли дѣло о странѣ, которая претынула большевикамъ руку, или о странѣ, которая продолжаетъ отрицать ихъ юридическое бытіе. И это положеніе и прито съѣзда, который сдѣлалъ изъ природы нашей эмиграціи — дальнийѣйшій выводъ и изъ частности усталовилъ, что въ основу нормъ, опредѣляющихъ публичность правового положенія эмигрантовъ, т. е. устанавливющихъ права, принадлежащіе имъ въ смыслѣ свободного передвижения, избрания труда и т. д., должна быть положена точка зренія предоставленія имъ политического убѣжища. Протворение въ жизнѣ этого постановленія ожидало бы съятіе изъ эмиграціи многихъ ограничений, препятствующихъ имъ въ ихъ стремлѣніяхъ устроить себѣ пріорный жизненный базисъ на то время, которое еще предстоитъ привести на чужбину, и устраненіе многихъ угрозъ, въ томъ числѣ угрозы, заключающейся въ возможности быть, пасынственно пропровожденными въ советскую Россію.

Второй, равноправной темой запятой съѣзда, былъ вопросъ о сущности советскаго права. Въ этомъ отношеніи съѣзда, который, по своему составу, представлялъ высшую юридическую экспертизу по русскому вопросу, единогласно призналъ, что самое наименование права не можетъ быть прилагаемо къ тѣмъ постсовѣтскимъ, которые именуются советскими законодательствомъ. Съѣзду принялъ тутъ во вину и фактъ глубокайшаго расхождѣнія между провозглашаемымъ въ советской Россіи правомъ и подлиннымъ юридическимъ бытъмъ страны, и фактъ далеко не полного отмирания прежн资料 of права, продолжающаго жить, въ формѣ обычного права, какъ въ силу молчанія нового закона, такъ нерѣдко и просто вопреки ему. Признавъ эти факты, съѣзду тѣмъ самымъ на-

въ № отъ 6 октября «Послѣдн. Нов.» предупреждали, что черезъ несолько дней совершилъ переходъ отъ новой къ «новѣйшей» тактикѣ. Новая тактика уже сдѣлала свое дѣло. Правда,

Значительная часть эмиграціи, — быть можетъ, отчасти и демократической, — все еще продолжаетъ находиться подъ властью этихъ лозунговъ (противоположныхъ защищаемымъ «Послѣднимъ Новостямъ») и върнѣтъ, что въ нихъ — кратчайший путь къ освобожденію Россіи.

Но и позиція «Посл. Нов.» уже не вызываетъ такихъ яростныхъ нападокъ, какія посыпались на насъ вначалѣ.

Газета не приписываетъ этого тому естественному обстоятельству, что для испарнанія обсужденія тактики ограничивающейся газетными статьями, повторяющими послѣднюю тактику. Сама Куксова признала эмиграцію черной и мертвѣй. Но и этотъ вопросъ благополучно разрѣшился новымъ письмомъ въ редакцію:

Но уѣхали ли мы кого нибудь изъ нашихъ противниковъ — или, что для насъ гораздо важнѣе, изъ послѣдователей изъ эмиграціи массы, перейти на нашу сторону?

Въ отвѣтъ приводится лишь «косвенное доказательство», состоящее въ увеличивающемся вниманіи къ нашему органу и въ учащемсяся притокѣ писемъ отъ «читателей-друзей», также въ продолжающихся угрозахъ насилия.

И вотъ когда «новая тактика» завершила свое дѣло, вызвавъ усиленный потокъ писемъ въ редакцію —

Въ этотъ моментъ борьбы мы получили сильного союзника въ лицѣ вновь прибывшего изъ родины Е. Д. Куксовой и С. Н. Прокоповича. Они привезли намъ радостную вѣсть, что въ Россіи

Печать.

насъ понимаютъ и что мы ближе къ пониманию Россіи, чѣмъ другіе.

Совсемъ говоря, съ точки зренія по-реновъ центра тѣжесть борьбы въ самую Россію прѣѣздъ Куксовой и Прокоповича должны были ослабить, а не усилить по-зицію «Посл. Нов.», лишившихъ этихъ сильныхъ союзниковъ на мѣстѣ борьбы. Къ тому же вѣдь «новые прибывшими съ ролинами» является не одна Куксова и Прокоповичъ; но, повидимому, остальнымъ не являются столько сильныхъ союзниковъ.

Однако, остается еще одинъ тревожный вопросъ: какъ относится сама эмиграція, или демократы въ эмиграціи къ нашедшей новой тактике. Сама Куксова признала эмиграцію черной и мертвѣй. Но и этотъ вопросъ благополучно разрѣшился новымъ письмомъ въ редакцію:

Отъ имени этой (настоящей) демократии написать корреспонденціи напоминать Куксовой, что про эту часть эмиграціи она забыла въ своемъ черезчур суммарномъ выводѣ.

Мы могли бы сказать: «нынѣ отпущаешь». Ибо это отклика мы дадено ждали. Мы знали, конечно, что есть въ эмиграціи и такие элементы, знали про ихъ сочувствіе намъ, но въ этой формѣ заявленія отъ какого-то безымянного коллектива оно не проявлялось.

Итакъ, письмо въ редакцію отъ имени безымянного коллектива — и «нынѣ отпушишь». Не слишкомъ труда далось это въозглѣстъ. Опрокинуты большевики? Установлена въ Россіи демократія? Возстановлены ли свободы? Идеть ли хозяйственное восстановленіе? Нѣтъ, — получено письмо въ редакцію. «Нынѣ отпушишь» — новая тактика сдѣлала свое дѣло, надо переходить къ «новѣйшей».

Будемъ надѣяться, что новѣйшая не исчерпается въ свою очередь новымъ письмомъ въ редакцію.

шель новое обоснованіе для отрицанія мысли о примѣримости къ эмиграціи советскаго права: ведь если и некоторые иностранные суды колеблются принять право, которое, какъ они полагаютъ, цѣликомъ утратило силу (что, какъ только что было указано, фактически неѣврѣ), то какъ же могутъ они принять такое право, которое не претворяется въ жизнѣ даже тамъ, где оно провозглашается. Советское право нельзѧ принять уже потому, что оно не существуетъ!

Но къ чему всѣ эти постановленія, спроситъ скептикъ. Вѣдь съѣзду не припадлежитъ никакой власти, и его резолюціи имъ для кого не обязательны. Думается, однако, что его работы не пройдутъ безъскользъ для русской эмиграціи. Я не говорю уже о томъ, что къ его голосу, по всѣмъ вѣро-

штимъ, прислушается Лига Наций, отъ которой зависитъ очень многое, въ особенности въ области урегулированія публично-правового положенія нашей эмиграціи. Главное, по моему, лежитъ не въ этомъ. Отдельный юристъ, выступая въ качествѣ практика на защиту права того или иного соотечественника, будетъ чувствовать себя определенными опорами: онъ будетъ знать, что его мнѣніе — не одиночка, что есть мнѣніе совокупной русской юридической мысли. Въ утвержденіи единства послѣдней въ уѣзжальной позиціи отрицанія того безъгѣрія произвола, того принципиального отрицанія самой идеи права, въ которомъ появился большевизмъ, и заключается важнѣйшіе достоинства съѣзда.

Н. С. Тимашевъ.

Санктъ-Петербургъ.

(Видѣніе).

I.

Маршъ Шопена.

Я всегда вспоминаю этотъ сѣгъ: — коричневатый, смѣшанный съ посѣченной землей, чуть хрустящий, какъ крупный сахарный песокъ. Оно еще не быть такимъ мокрымъ, чтобы нога, попадая туда, по-ти до голеницы, хлюпала, какъ влага, — но быть уже чѣмъ влажнѣйшими, разсыпичатыми. Точно плохой сортъ какао коричневаго смѣшили со сѣгомъ, пескомъ и сахаромъ, и набросали, и провели коленемъ, и сдѣлали уличными.

Весеннимъ, — усталымъ, по по таю-щему сѣгому.

И по этому сѣгу всегда шли грузныя маги — на процѣльныхъ парадахъ, похоронахъ.

Играли «Шопена».

Странно, что этотъ медлительный маршъ, увѣренной, познавшей себя и понявшей бѣзъсходность грусти всегда играли пальмы по изрытымъ, выбитымъ колодамъ съ колодинами, вадзились и кренились чернага колесница, а они очередного наряда, дежурной роты для похоронъ — мѣсли покорно коричневый, разсыпчатый сахаръ.

Ближе къ тротуару. Поты вдоль же-лоба, вдоль стоянной канавы, засыпанной тѣмъ же хрустящимъ полу-пескомъ, полу-слѣгомъ.

И винтики подъ мышкой всегда были опущены винѣ, — безъ штыка.

Не примѣнено.

Дула насыплено смотрѣли винѣ, тѣ-но ноздри какак-то втягивали сырость и мокротину и скорбь. Дышали такую же хорошую скорбь опущеннымъ душа.

Это хоронили генерала.

Какъ разъ мимо гостинаго двора, вдоль думы, где Jockey Club и выѣзжка съ рос-чоркомъ, Булла, публичная библиотека или «Новое Время» съ хвостиками и завитками у коньковъ концовъ.

Проходили и заварачивали. Кажется на Садовую, а можетъ быть, куда-то въ бомбъ, — нѣтъ, наанско. Въ воздухъ. Невѣдомое. Вѣдо. Хмары.

Вы помните этотъ маршъ. Такжо грусто въ густую мѣшанину хриплыхъ басовъ и мѣдныхъ, интенсивныхъ клапаныхъ трубъ уходила душа, какъ ноги уходили въ мѣсъ сахара, сѣга, песка и земли. Хрупкое, сыпкое, зернишками, гуще и хмаро въ воспоминаніи. А потомъ, — вы помните, — мотивъ въ одномъ мѣстѣ взвинчивается, маєтъ, рвется спиралью изъ трубы военныхъ, зацепочныхъ на морозѣ, обвѣнчаны георгиевскими лентами. Взвинчивается мотивъ.

Это — корнеты, тонкія серебряные трубы просятъ не забывать о жизни, просить не забывать о смерти. Но глухо ухали, хрустомъ, песочными пересыпами дыханіе — мѣдныя, толстыя трубы.

Это аккомпанементъ.

Все равно не уйти изъ сїмы посѣченной сїмы, сахаристой мѣшаницы. «Хрустъ-хрустъ» — осиняется съ сапогъ. Къ голове — лѣтѣтъ. А дула винѣ.

Въ звѣздахъ.

...Въ морозы, чуть свѣтло дни—мениши хмары и видны мѣдныя зѣвы и жерла дышащихъ трубъ. Яснѣе, — (чернѣе, — зѣлѣтъ) — ленты святого Георгія на трубныхъ заворотахъ. Чтобы плечи не напрягались. Въ морозы, — чуть свѣтло дни—мениши — грустнѣе, ибо лѣтѣтъ, и зѣваетъ.

ребряная труба во второмъ колѣнѣ похо-ронного марша.

Но побѣждаетъ первое. Первое колѣно марши.

Трамъ-та-та-тамъ.

Все равно идти еще долго.

И пе на Волково, и не къ Лаврѣ, а, вообщѣ въ «сникуда» — идти еще долго, вѣтъ только Садовую обогнуть — и стуманомъ и хмаръ растягть. Нанско, чѣмъ бокъ, въ воздухъ — искезнуть. Точно и не хоронилъ.

А пока...

Хрустъ-хрустъ. Вдоль коленъ, одной и другой и третей — сїмы и утомляющей по иску сїмы ахаренскомъ съ трудомъ ноги движились. Сїмы, хрупкое, въ зернишкахъ. Все равно еще долго идти... Ровно приду-шенно трубы хранить. Дышать. Словно и въ жерлахъ тѣть же сїмы съ пескомъ — хрупко насыпать. Или опять на вѣхѣ настѣть сїмы? Или опять въ воздухѣ? Помѣтъ? Но сордѣ?

Сїмы-а-а-а...

Смотрѣши винѣ и только видишь мѣ-дни вдоль сапога ссыпается. Сахарное, посѣченное, съ хрустомъ, съ покорнымъ, раз-давленнымъ скрежетомъ.

Кто идетъ?

— Пятая рота. Обратно. Были въ нари-дѣ. Хоронили генерала.

Трамъ-та-та-тамъ.

Та-тамъ

П.

„Вечеръ“.

Вчера я сразу почувствовалъ, какъ сты-ль вечеръ вдругъ занягъ желтыми лу-чичками, газовыми фонарьми и горѣлками какъ зѣтки въ очкахъ у лѣда. Старческо что то, добродушно всѣгда есть у вѣ-чора: и мордочки и лу-чички. А то, что вѣ-дущий вокругъ постыль, похолодѣлъ, сталь вѣчерины, прозрачны, (тутъ слюд-нины) — это усилило старчество вѣчера.

Раннію прохладную сѣдницу. Надышанную

Субъективный замѣтки.

Иржимъ признакомъ бытъ гражданина въ советской Россіи является перепроизводство. Въ странахъ, стоящихъ подъ игомъ капитализма, наблюдалось перепроизводство. Въ Россіи же производство, какъ бы производство увеличить, не конечно ничего сдѣлать не могутъ, а стопутъ подъ игомъ капитализма. А вотъ въ советской Россіи совсѣмъ наоборотъ: столько товаровъ напроизводили, что дѣятъ некуда.

Въ пониженныхъ сапогахъ — и тамъ перепроизводство. Пинѣтъ мнѣ, что прошли тѣ красные дни, когда голодомъ и интеллигентъ вынесъ было старые сапоги на улицу — и сѣчай же превратить ихъ въ кусокъ хлѣба. Теперь на старые сапоги никто и смотрѣть не хочетъ, не говоря уже о новыхъ. Тамъ пишутъ мнѣ изъ советской Россіи: нѣльзъ уже продавать остатки бывшаго величия — никто не покупаетъ.

Всѣмъ изѣдѣяя советской промышленности тоже не продаются — объ этомъ пишутъ сами большевики, и кажется на это разъ говорить правду. Пожалуй, такое состояніе промышленности и торговли можно назвать перепроизводствомъ. Звучитъ это блаженство и для совсѣмъ удачного уха душевнѣстѣльно. Но съ другой стороны, изъ немногихъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что вѣдь тѣже изѣдѣяя товары. Нужно принести пуговицу къ панталонамъ — пѣтъ ни пуговицы, ни иголки, ни нитки, а зачастую и самыи панталоны; хочется кинуть иголку — милионъ; пуговицу — сїмы миллионъ. О штанахъ и сказать страшно: еще и цифры та-кои по выдумкамъ. И выходить, что хочешь принести пуговицу — да не можемъ. Получается перепроизводствомъ пуговица, перепроизведеніемъ иголки, сїмы и т. д.

Получается страшна несуразность: перепроизводство при отсутствіи потребленія. Такой несуразности не получится, если слово «перепроизводство» замѣнить словомъ «недопотребленіе». Звучитъ это не столь уѣгѣтельно, но зато все становится понятнѣмъ. Понятна и остающаяся въ карманѣ продавца пуговица, которую до смерти хочется видѣть на себѣ бытъ гражданина, оставающейся на ногахъ голодомъ интеллигента, где ей совсѣмъ не место. Понятна, наконецъ и сущность этого процесса, который происходит въ советской Россіи отъ товарообращенія.

Всё же не перепроизводство, а недопотребленіе.

В. Карпинъ.

Сергѣй Горнѣй.

„Литль Буффъ“

Исключительная программа при уч. хора цыганъ солистка Анна Дмитриева подъ упр. Димитрия Фесенко. Лучшая въ Берлинѣ кухня подъ наблюд. шефа Оливье. Число мѣстъ ограничено. Входъ бесплатный.

ТЕАТРЪ ВАНЬКА-ВСТАНЬКА, Kurfürstendamm 32

Ежедневно съ 5-го октября
Гастроли изв. исполнительницы Русскихъ и Итальянскихъ пѣсень

САРРЫ ЛИНЬ

Театръ
Синий Птица

Golzstrasse 9. Tel. Hollendorf 1613

Спектакли ежедневные

Начало въ 8½ ч. веч.

Третья новая программа:

1) Три барабанчика

2) Венециа - Танцы

3) Итальянская опера

4) Сватовство

5) Въ горахъ

6) Кавказъ

7) Бурлаки

8) Концертъ

9) Юморъ.

Предварительная продажа билетовъ

производится въ кассахъ театра

съ 10-2 ч. и съ 6 ч. веч.

ат. ж. въ книжномъ магазинѣ „Москва“

въ всѣхъ театральныхъ кассахъ

Винный ресторанъ

FAUN

Friedrichstrasse 180
Ecke Tobienstr. - Zentrum 17-25, 82-24

Кабарэ

днемъ и вечеромъ

Лиза Вельденъ

Міа Мозелли

Эдитъ Гаррикъ

Мария Вестъ

Вальтеръ Фишеръ

Максъ Эрнестъ

Лисса и Рене

Извѣстн. концерты Штейнера

2 капеллы

въ 11 час. дн.

въ 2 ч. вечера

въ 7 ч. уикендъ

въ 10 ч. танцы

Сегодня открывается

семейный русский ресторанъ

АСТРА

G. m. b. H.

Wurzburger Strasse № 17

(по Augsburger Strasse между Wittenbergplatz и Nürnberger Platz.)

Обѣды отъ 1 часа.

ужинъ отъ 7 час. вечера.

Завтраки (склонъ) въ утре.

Образованная кухня. Русский спиртъ.

Цены обще доступны.

Домино

Marburger Str. 13

созѣль Tauentzienstrasse.

Steinplatz 80-75.

Съ 11-го октября ежедневно вечеромъ

дежурное мясоное блюдо 150 марокъ.

Русский

Романтич. Театръ

Friedrichstrasse 218

Ежедневно до 12-го

октября въ 7 и 9 ч.

балетъ

и пьесы, мюзиклы,

пьесы, оперы,

мюзиклы, мюзиклы,

пьесы, пьесы,

балетъ, пьесы,

